

Иван Кольцо

Детские сердечки

18+

Иван Кольцо

Детские сердечки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31725152

SelfPub; 2018

Аннотация

Как далеко может зайти человек, желающий отомстить? Каждый из нас может ответить на этот вопрос сам. Честно, без ненужного позёрства и лишнего красноречия, за которым некоторые прячут свою трусость. Виктор Снегирь не любит лишних слов. Он обычный, ничем не примечательный мужчина из небольшого провинциального городка. Не боец войск специального назначения и не сотрудник ФСБ. За его плечами служба в армии и работа в милиции рядовым ППСником. Единственное что у него есть – это твердый характер и боль... Боль, которая не позволит ему остановиться на этом пути.

Содержание

Иван Кольцо	4
Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иван Кольцо

Детские Сердечки

Часть первая

«Закат»

Глава 1

Еще одна душная и липкая летняя ночь. Добропорядочные граждане пытаются увидеть десятый сон, лежа под липкими простынями. Но я не добропорядочный.

Проклятый десятком бесов, мечусь по залитому холодным электрическим светом городу и общаюсь с дефективными подобиями человек, которые, по иронии судьбы, имеют все права полноценных граждан. Про обязанности же эти индивиды, не помнят, если вообще о них знают. Вот и сейчас...

– Руки убери! – верещит субтильный субъект, которого Вася, мой напарник, пытается по-хорошему выдвинуть к гардеробу задолбавшего уже кафе-рюмкобола с гордым наименованием «Палеолит». – Не трогай меня!

– Уважаемый, – Вася спокоен и обходителен, – я вас не

трогаю, а прошу проследовать к выходу. Я вас за руки хватал? Не хватал! Я вас толкал? Не толкал!

– Ты сейчас меня толкаешь!

– Нет, уважаемый, я продвигаюсь к выходу, а из-за того, что вы у меня находитесь на пути, вас приходится отодвигать тыльной стороной ладони и предплечьем. Исключительно, чтобы на вас не наступить и не причинить вам физическую боль и моральные страдания.

– Руки убрал, я сказал! – гражданин, после употребленного, хорошего языка явно не понимает, и продолжает провоцировать конфликт, отталкивая Васины лапищи.

– Да что вы творите?! – подключается «женщина» гражданина, пытаясь прорваться через меня к любимому. – Ты чего у меня на пути встал?! А ну пошел прочь! – она пытается безуспешно меня обойти. Обойти не получается, пытается оттолкнуть. Но сказывается разница в весе, и я остаюсь на месте, как впрочем, и она. – Ты же урод! Ты же неудачник! Какой нормальный в охране работать будет?! Лузер и импотент! Ни одна баба тебе не даст! Пусти, скотина! Я сейчас позвоню, и ты завтра же здесь работать не будешь! Тебя уволят, слышишь?! Ты уволен!

– Вы, это... – включается товарищ субъекта, предусмотрительно расположившись чуть подальше за «женщиной», – оставьте пацана, он больше не будет. Мля буду!

– А ты сам-то кто такой? – отвечаю я, пресекая очередную попытку особи женского пола, пробиться к своему самцу.

– Я? Я – Колян, – произносит товарищ, сбитый с толку.

– Поздравляю. Но кто ты такой, чтобы верить твоему слову? Нам проще твоего друга отсюда удалить, чем пятый раз сюда на вызов ехать.

– Оставьте под мою ответственность! – товарищ бил себя в пьяную грудь. – Если Димон накосячит, меня вместе с ним выгоните, слова не скажу!

– Парень, я тебя не знаю, и чего стоит твоё слово тоже, – устало повторяю, раз, наверное, в пятнадцатый за сегодня. – Так что, иди обратно за столик отдыхать, и не мешай.

– Не указывай мне! – товарищ начинает ерепениться. – Я сам знаю, что делать!

– Слышь, – обращаюсь я к местному охраннику, лопухому пареньку в синей рубашке с бейджиком на нагрудном кармане, который жметя в стороне. Ему лет двадцать, видно, устроился сюда сразу после армейки, или студент. И каким авторитетом он может пользоваться у подвыпивших посетителей этой рюмочной? Правильно – никаким. Его попросту шлют на три буквы и продолжают куролесить. Ну а он вынужден «отжимать кнопку», а по вызову, как умалишённые, несемся мы и разруливаем ситуацию. Почему мы, а не милиция, вернее, полиция, которую в любом случае вызывают? Всё просто – мы дешевле. Вневедомственная охрана берет в месяц тысяч двадцать пять, мы восемь тысяч, а директор «Палеолита» умеет считать деньги, и плевать он хотел на все наши геморрой, ведь происходящее после оплаты на-

ших услуг не его проблемы. И ладно бы, получай мы деньги на руки... Всё достаётся директору и по совместительству хозяину ЧОПа, а нам перепадают сушие копейки. Впрочем, меня занесло... – Чего стоишь как истукан, уведи господина обратно в зал, чтобы не мешался.

– Ага, – кивает паренёк и совершает самую распространённую ошибку новичка – хватает подвыпившего субъекта за запястье и пытается его оттащить. Субъект естественно руку вырвал и дернулся на молодого, отчего неожиданно схлопотал от него локтем в челюсть. Резвый парнишка оказывается, далеко пойдёт...

– Да, ты, ж, твою мать! – ревет Вася обреченно, и, взяв на душающий оппонента, которого только что мирно выталкивал, и который сейчас подорвался на помощь другу, вздергивает вверх его так, чтобы ноги свободно болтались над полом, и через десять секунд опускает на натоптаный кафель бесчувственное тело.

Мне, как всегда, достаётся самое сложное – пьяная дамочка. Бить нельзя, и она это знает, отчего дерьма из неё прёт с избытком. Алкозависимая валькирия пытается вцепиться в глаза накладными когтями, а лицо её, и так не блещущее красотой, обезображивается праведным гневом на мою скромную персону. Но разряд табельного электрошокера творит чудеса и моментально приводит её в чувство...

В итоге, через полминуты, три распластанных тела оказываются на грязном, замызганном полу рюмочной.

– Млять, как они задрали, – выдыхает напарник. – Ну почему просто не уйти, когда вежливо просят? Нет, блин, нужно показать, кто тут главный! Идиоты! Да? Да?! – он склоняется над своим противником, и со всего размаха залепляет звонкую пощёчину. – Сволочи, вот так бы взял, и свернул им всем шею. Да?! – новый шлепок, после которого потерявший сознание приходит в себя.

Я же павшие тела просто вытаскиваю за ноги на улицу, успевая порадоваться, что женский пол сейчас чаще ходит в джинсах, и не приходится смотреть на возможное непотребство.

Только вытягиваю на крыльцо прифигевшую и обписавшуюся мадам, как там же, таща за шкурку её благоверного, появляется Василий. Отправив пинком свой груз наружу, он отходит ко мне. Стоим, с интересом наблюдая за действиями поверженной троицы.

Первым с грязного асфальта поднимается «друг семьи». Пошатываясь, он фокусирует на нас взгляд, и, грозя кулаком, вопит:

– Вам писец! Сейчас я позвоню по телефону, и сюда подъедут двадцать машин. Вас отымеют и высушат, твари!

– Звони, – меланхолично отвечает напарник.

– Вы что, уроды, делаете? – подает голос женщина, кое-как вставшая на четвереньки. – Да я щас ментов вызову, вас же закроют на десятку, не меньше!

– Ага, – я сплевываю. – И расстреляют, без права пере-

писки.

– Чо ржете, козлы!?! Писец вам, я сказал, – а вот окончательно очухивается и придушенный. – Вы же меня чуть не убили, я заяву писать буду. Вызывайте ментов!

– Тебе надо, ты и вызывай, – вынимаю пачку сигарет из кармана и, вытянув одну из них, подкуриваю от китайской одноразовой зажигалки. – Только ты сначала определись, либо как четкий пацан по понятиям братву вызвать, либо как последний баклан ментам заяву строчить. Выбор за тобой.

– Пацаны не отвечают, – товарищ тщетно уже кого-то пытался вызвонить по мобильному телефону. – Спят, кажись. Надо ментов вызывать, чтобы этих гандонов закрыли. А то чо они по беспределу?!

– Ребят, – говорю я, затаившись. – Подумайте хорошенько, а стоит ли их вызывать, ведь от этого зависит ваша жизнь.

– Козлы безрогие! Вы как на меня руку поднять осмелились! – Женщина уже на ногах и машет на нас сумочкой, однако подходить, видимо боится. Впрочем, опасаются приближаться и её кавалеры – Да вас за это на зоне опустят! Настоящими петухами сделают, запомните мои слова! – и, обернувшись к своему суженному, добавляет. – Зай, вызывай мусоров, я не я буду, если их в камере не отымеют!

– Ну и что вы им скажите? – вновь спокойно и без эмоций произносит Вася. – На вас, дамочка следов нет, у молодого человека вашего тоже следов нет, лишь вон у того, – он кивает на отошедшего чуть в сторону товарища, получившего от

местного охранника. – Возможно выйдет легкий синячок на подбородке, да и то все подтвердят, что он сам споткнулся, и об стену стукнулся. Так что в пролёте вы, как та самая муха.

– Зай, я сказала, что засажу их, значит засажу! Всеки мне!

– Чо?

– Всеки мне, чтоб синяк на пол лица был! Мусорам скажем, что это они, и уж тогда твари точно не отмажутся!

– Ну, раз ты так просишь... – и гражданин без тени сомнения бьет по лицу своей дамы сердца кулаком. Женщина падает как подкошенная, но через пару секунд снова стоит на ногах.

– Всё! – радостно верещит она. – Манда к вам пришла волосатая! Вас точно закроют.

– А теперь девушка посмотрите вот сюда, – я тыкаю пальцем под потолок навеса над крыльцом рыголовки. – Вас снимает скрытая камера, и на записи отчетливо будет видно, как вас собственный парень лупцует. Так что, идите по домам, по добру-поздорову.

– Мы вас найдем!

– Обязательно найдете, а пока идите домой отсыпаться!

– Мы точно найдем, и писец вам!

– Обязательно, и непременно. А пока до свидания. Не скажу, что знакомство было приятным.

– Сволочи. Твари. Козлы, – под такие эпитеты в наш адрес эта троица, шатаясь, бредет прочь от злачного «Палеолита».

– Слышь, молодой, – Вася оборачивается к местному

охраннику, весь разговор простоявшему в дверях, – можешь в зал вернуться. И пожалуйста, по пустякам кнопку не отжимай. А то психанем, и постреляем тут всех нахрен. Зря, что ли нам пистолеты выдали? Ну давай, не прощаемся...

Киваю пареньку, и, затушив сигарету, двигаю вслед за напарником к стоящей неподалеку служебной машины – вазовской Гранты, выкрашенной в идиотские цвета нашей охранной канторы. Василий без разговоров плюхается на штурманское место, а я занимаю уже привычное место водителя. Крутить баранку мне нравится, а по ночному городу и по-прежнему, нет того трафика и суеты, что царит днем, всё более чинно и спокойно. Свет уличных фонарей, бездонное звездное небо, и вечно одинокая луна – что еще нужно?

Машина завелась с полтычка, пристегнув ремень, вырываю с прикафешной стоянки, и, открыв окно на двери по максимуму, даю газ до упора, отправляя наш болид к точке постоянного ожидания, где мы должны находиться, когда нет вызовов...

– Чего разогнался? Чай не на пожар, – флегматично заметил напарник.

– Да так свежий ветер лицо приятно обдувает. Попробуй. Тебе понравится.

– Нафиг. Так и заболеть не долго, – ответил Вася, но окно открыл. – Пять часов смены осталось, скоро ночь пролетит, а там трое суток отдыха.

– Кому отдых, а кому еще два дня горбатиться, – кисло заметил я.

– Завязывал бы ты со своими пластиковыми окнами. Всех денег не заработаешь, а здоровье, оно такое – хрен угробленное восстановишь.

– Не, сутки отосплюсь, и два дня нормально отпашу, не переживай.

– Да на тебе же лица нет, – напарник укоризненно поглядел на меня, – ты за год осунулся весь, килограмм на пятнадцать похудел, не меньше.

– Ты же знаешь – мне деньги нужны, – отмахнулся я.

– Знаю, знаю, в Дашке всё дело. Ты хоть до неё дозвонился?

– Нет, два месяца уже от Ленки добиться не могу. Она то в спецшколе, то в летнем лагере, то на экскурсию недельную уехала.

– И чего думаешь?

– А ничего не думаю. Через две недели отпуск, все документы готовы, сяду на самолёт, и к дочери.

– Хорошее дело...

Зашипела автомобильная радиостанция:

– Беркут Центру, Беркут Центру.

– Беркут на связи, – ответил в снятую танкетку Вася.

– Сработка в третьем «Калейдоскопе».

– Приняли, выезжаем, – танкетка вернулась на место, а ко мне была обращена ритуальная фраза. – Гони, детка!

– Гоню! – ответил я, круто выкручивая руль в резком повороте. Пять минут с момента вызова пошло. Нужно было укладываться.

Перекрестки мелькали один за другим, длинные, узкие и плохо освещённые улочки пролетали мимо. Наша Гранта выпорхнула к продуктовому магазину «Калейдоскоп», встав как вкопанная перед входом.

На первый взгляд всё цело, но инструкция требует того, чтобы все окна на предмет повреждений были осмотрены, поэтому мы с напарником, выбравшись из автомобиля и вооружившись тяжелыми фонарями-дубинками, начали обходить фасад по кругу. Все окна целы, двери дебаркадера и запасного выхода закрыты. Ложный вызов. Неприятно, но такое периодически случается. Сейчас нужно доложить на базу, что всё хорошо и выдвигаться к точке ожидания, в надежде, что до утра будет спокойно, и мы хотя бы немного за сегодня поспим.

Только вернулись к автомобилю, как из-за угла ближайшего здания в нашу сторону вышел невысокий, но крепкий мужичок, лысый, как колено, но с мохнатой щеточкой усов под носом.

– Палыч! Опять проверка! – вырвалось у Василия, когда он заметил лысого.

– Молодцы, за три двадцать успели. Но только почему вы каски не надели? Непорядок...

– Палыч, ты сам-то пробовал их носить? – заметил я. –

Через час шея отекает, ни вздохнуть, ни перднуть.

– Положено по инструкции, значит должны исполнять. Хорошо, что хоть бронежилеты снять не додумались, как Соколы с Орлами. С них за это двадцать процентов премии вычтется, а вам за каски всего лишь пять минусом пойдет.

– Палыч, будь человеком! – взмолился Василий. – Бес попутал, шлемы с головы слетели, когда мы из машины вылезали. Вон они на заднем сидении как упали, так и лежат.

– Ты мне сказки не рассказывай, чай не маленький уже.

– Вы бы лучше, – заговариваю я, – в «Палеолит» кого по-серьезней ставили. Задолбали сопляков туда пихать. Они ни бе, ни ме, ни кукареку, только кнопку по любым пустякам жать горазды.

– А кто туда за такие деньги пойдет работать? Вот ты, Виктор, за семьдесят рублей в час туда работать пойдешь?

– Нет, конечно.

– Вот и я о том же.

– Может тогда вообще от него отказаться, геморрой же.

– Вам за этот геморрой и платят, так что не скулите, чай не бабы, – Палыч выложил на капот раскрытую тетрадку. – Расписывайтесь, давайте, в проверке, и дуйте дежурить дальше.

Расписавшись в журнале проверок, мы холодно распрощались с нашим непосредственным начальником, заместителем директора родного ЧОПа.

– Вот ведь Орлы с Соколами гады, могли и предупредить, – возмутился Вася, когда мы вновь оказались в маши-

не.

– Дык, кажись, звонили, – я вытянул свой мобильник, старую и верную Нокию 3310. – У нас как раз веселье с пьяными дегенератами было, а у меня на беззвучном режиме. Три раза набирали.

– Могли и мне позвонить, – напарник даже и не думал прекращать обижаться на коллег.

– Могли, – соглашаюсь я. И только я собрался засунуть телефон в карман форменной штанины, как он завибрировал в руке. На экране высветился дикий номер из мешанины цифр. Звонили из-за границы. – Да!

– Витя, это ты? – донесся голос пьяной Лены, человека, которого после развода я меньше бы всего желал услышать.

– Я. Что случилось? Что с Дашей?

– Похоронили Дашу. Вчера похоронили...

Глава 2

Не прошли и сутки, как я стоял в холе аэропорта города Осло и глядел на доску с расписаниями автобусов и электричек, призванных доставить прилетевших пассажиров до самой столицы Норвегии. За плечами остался десятичасовой автопробег до столицы и трехчасовой перелёт.

Деньги были собраны, документы для выезда оформлены, оставалось лишь заказать билеты на самолёт и попрощаться

с любимой Родиной. Сложнее было с работой...

После сдачи смены в восемь утра я тут же написал заявление о переносе отпуска и подал его на визирование Палычу. Тот мельком глянул на бумагу, разорвал её на кусочки и так же меланхолично продолжил что-то записывать в толстом амбарном журнале.

– Палыч, а ты не прифигел? Мне отпуск нужен! Сегодня!

– А кто работать будет? – поднял он свои водянистые глаза. – Папа Карло?

– Палыч, не зли. Ты же знаешь, что у меня ребенка похоронили.

– Ну, так ведь уже похоронили, спешить-то некуда, – вновь принялся он за писанину. – Неделей раньше, неделей позже – какая раз... – но договорить я ему не дал, с размаху залепив по лысому виску кулаком. Начальник отлетел к стене и удачно приложился затылком.

– Вить, ты чего? – испуганно взвизгнула Светка, чоповский бухгалтер, деливший кабинет с замами директора.

– Ты еще скажи что-нибудь под руку, – рявкнул я в ответ и тяжелой походкой вышел на улицу. Там немного успокоившись и перекурив, я обдумал дальнейшие планы.

Мне повезло, Палыч заяву в полицию катать не стал, ограничившись выговором и лишением премии. Директор сам его обозвал идиотом, когда узнал причину произошедшего. И распорядился не переносить очередной, а оформить двухнедельный без содержания, позволив не появляться на рабо-

те целых шесть недель.

Напарник, с которым я занимался установкой пластиковых окон, от известия об уезде, тоже оказался не в восторге. Мрачно переварив перспективу горбатиться одному, он сухо пожелал удачи и бросил трубку. И только после этого, я оказался по настоящему свободным, чтобы без хвостов мчаться к бывшей жене, не уберегшей мою дочь.

Осло встретил тяжелыми свинцовыми тучами, казалось, что давят не облака, а бетонная плита. Ко всему прочему, добавлялся мелкий, но настойчивый дождь, от которого моментально промокла куртка. Кутаясь в капюшон, я дождался автобус, расплатился за проезд фиолетовой стокроновой купюрой и устроился у окна, в которое бессмысленно и пялился всю дорогу.

Дождь размывал всё сущее, окружающее меня. Он впитывал свет, игриво одаривая отблесками на стекле, струился и тёк, завлекая душу в глубокие воды Ахерона. Огни проезжающих автомобилей, яркие вывески магазинов, броские пятна уличных фонарей – всё сливалось и смешивалось в каплях серого и темного дождя, и даже сгущающиеся сумерки воспринимались, как выпитый им до дна день.

Вновь этот холодный электрический свет... Ветер врывался в складки одежды, но я уверенно шел от остановки в сторону нужной улицы. Я бывал здесь в прошлом году, и этого достаточно. Даже с закрытыми глазами я сумею добраться

до дома, где жила моя дочь...

Дочь. Моя маленькая Дашенька, волею судьбы увезенная на другой конец Земли. Да, твоя мама нашла себе иностранного мужа, такое случается, но я не нашел себе другую дочь. И не найду.

Позади осталась одна улица, вторая, и я, пройдя несколько переулков и тупиков, наконец, оказался там, где нужно. Чуть в горку вдоль мощенного булыжником тротуара тянутся пять частных домов, как будто сжатых весельчаком троллем в один. Там где кончался первый, тут же начинался другой, и не важна разница ни в цвете и архитектуре. Желтый дом плавно перетекал в синий, тот, в свою очередь, в зеленый, ну а уже тот в красный. Именно последний мне и нужен.

Всю дорогу я гнал от себя эти мысли, думал о чем угодно, но только не об этом. И вот, стоя на пороге перед массивной деревянной дверью, я понял, что боюсь. Боюсь узнать – как она умерла. До дрожи в зубах боюсь.

Глава 3

Дверь долго не открывали, а звонок к моему удивлению не работал, поэтому пришлось длительное время просто долбить кулаком. И не зря. Через долгие двадцать минут вход внутрь дома был открыт.

Какая-то помятая Лена, в грязном синем халате на голое

тело, непонимающе глядела на меня сквозь растрепанные черные волосы.

– Вы кто? – спросила она заплетающимся языком.

– Ты что, сдурела?

– А, Витька, заходи! – неожиданно весело заявила она, пропуская в дом. – Какими судьбами?

– Рехнулась? Сама вчера звонила, что Даша умерла, и ты её похоронила.

– Ах да, – бывшая жена как-то сразу сникла, уставившись бесцветным взглядом в одну точку.

Некогда первейшая красавица района, с годами она поблекла. Сеточка морщин стала покрывать её прекрасное лицо, сейчас заметно опухшее и осунувшиеся под грузом проблем. Тело страдало чрезмерной худобой, что для Лены было не характерно, а с её комплекцией и грудью четвертого размера, и вовсе казалось невозможны. По крайней мере, я так считал до сегодняшнего дня. Да и сама грудь под халатом обвисла, и это у человека, который даже родную дочь ей кормить не захотел, лишь бы не потерять красивые упругие формы. Такие метаморфозы не происходят за несколько дней.

– Так ты зачем пришел? – вновь начала она.

– Что с Дашей? Не тяни душу!

– С Дашей? Даша умерла... – Лена, не глядя, уселась на полку для обуви возле входной двери, на которой в беспорядке валялась непарные ботинки и кроссовки. – А ты не

знал?

– Ты совсем из ума выжила? – но бывшая жена меня не слышала. Обхватив голову руками, она начала поскуливать.

– Мою девочку убили, убили... – и вдруг резко подскочив, она гневно выкрикнула, целясь ногтями мне в лицо. – А где был ты? Почему ты её не спас? Это ты во всем виноват! Это ты её убил!

Тело сработало на автомате. Резкий удар правым локтем в подбородок, и легкое, словно пушинка, тело отлетело к дальней стене, и сползло, оформившись в жалкий, пускающий сопли и слюни, стонущий комок.

Я смотрел на неё, и не верил в то, что произошло. Моя богиня, с которой сдувал пылинки, которую добивался не один год, превратилось в какое-то убогое существо. Я не смел поднять руку, даже когда она загуляла, наставляя мне ветвистые рога. Хотелось задушить, растерзать, застрелить, но тогда я сдержался и даже пальцем не тронул. Не смог. Как можно ударить её, мать твоего ребенка?

И вот сейчас я попытался прислушаться к себе. И ничего не услышал – ни скрипа раскаянья, ни грамма сожаления. На полу всхлипывал абсолютно чужой человек, на которого мне было глубоко плевать. И это осознание испугало меня. Метаморфозы настигли не только Лену...

От грустных размышлений отвлек шум спускающегося по лестнице человека. Я ожидал увидеть Олафа, нового мужа моей бывшей, и уже начал продумать оправдания, чтобы он

сразу же не вызвал полицию. Но вместо норвега по лестнице спустился здоровенный, под два метра ростом, полуголый негр.

Увидев нас, чернокожий начал что-то быстро говорить на своем тарабарском наречии, при этом, не забывая размахивать руками.

– Это что за обезьяна?

Не получив ответа, я легонько пнул Лену ногой и повторил вопрос. Заметив мой жест, негр разъярился не на шутку, и уже переходя на крик, двинулся на меня.

Пытаясь схватить мою шею, он получил удар головой по носу, а после выхватил кулаком в «солнышко», «двоечку» по печени, и опрокидывающий локтем в подбородок.

Меня никто не сдерживал, да и сам я себя отпустил. Во мне плескалось океаны злобы на себя, на Ленку, на весь этот чертов мир, и, конечно же, на этого иссиня-черного человека. Оказавшись на поверженном противнике, я бил и бил его в лицо, превращавшееся в кровавое месиво. И лишь когда негр потерял сознание, я остановился.

Тяжело дыша, я сполз с него и упал на пол рядом со всё еще стонущей Леной. Пару минут пролежал без движения, закрыв глаза, и пытаюсь абстрагироваться от произошедшего. Но тщетно. Реальность не отпускала.

Собравшись с духом, я поднялся на ноги, вытер окровавленные руки о спортивные штаны негра, и, ухватив бывшую жену за волосы, потащил её в сторону ванной комнаты, благо

её расположение помнилось еще с предыдущего визита.

Душевая кабина была совмещена с небольшой акриловой ванной. Туда я Лену и засунул. Из держателя была извлечена душевая лейка, а маховик «Cold» выкручен на максимум. Упругие струи ледяной воды ударили по обмякшему телу, приводя его в сознание.

Лена вяло пыталась укрыться от воды руками, прячась за грязную ткань халата. Пусть. Халат намокнет и будет холодить еще сильнее, так что в себя она придёт по любому. Хотя...

Я наклонился и задрал левый рукав. Так и есть – «дорожка» заядлого героинщика. Десятки точек, образующих непроходящий синяк-гематому, прошлись по локтевому сгибу. Теперь всё более-менее ясно.

– Дорогая, и давно ты на наркоте подседа? – спросил я, направив струи на лицо.

– Тебе то что? Пошел на хрен, придурок!

– Ты давай, не уходи от ответа. Давно торчишь?

– Я сказала – пошел на хрен!

Так наш диалог продолжался минут десять, пока к нам не завалился перемазанный кровью негр. Ругаясь и хлопая кровавленным носом, он размахивал небольшим короткоствольным револьвером, то и дело, пытаясь ткнуть им меня в живот.

– Ирдис, вали этого козла! – вдруг заверещала за спиной, почему-то по-русски Лена. – Нахрен он тут нужен!

Новоявленный Ирдис скорее всего, по интонациям понял, что от него хотят, поэтому зловеще, насколько позволило разбитое лицо, ухмыльнувшись, он ткнул ствол мне в грудь и попытался нажать на спусковой крючок.

Револьвер он держал в правой руке, а это значит, что бить по ней нужно левой, уводя от линии огня по наиболее легкому для самой руки маршруту, то есть вовнутрь. Одновременно с ударом, я с небольшим отшагом совершил скрут, за доли секунды оказавшись вне зоны поражения. Опоздавший выстрел не произвел того эффекта, которого от него ожидал негр. Он, еще ничего не осознав, получил удар коленом по детородному органу и согнулся. Его затылок принял посыл сплетенных в замок рук, а лицо врезалось в когда-то белоснежную раковину, расколов её на три неравные части. Нокаут был полным.

Подхватив висевшие тут же полотенца, я начал связывать противника, не забыв прибрать револьвер в карман мокрой куртки. Несколько минут, и негритёнок был схомутан по рукам и ногам, и на всякий случай получил большой кусок тряпки в качестве кляпа.

– Ну что, дорогая, пошли, что ли, поговорим о делах наших скорбных?

Глава 4

– Где Олаф? – в который раз поинтересовался я у Лены

– Нету, – наконец ответила она, выйдя из ступора. – К другой ушел, кобель.

– Ну, если пользоваться твоей терминологией, то сама ты, получается, сучка. Вспомни, как сама на стороне гуляла? – ответом послужил лишь испепеляющий взгляд.

Мы ехали в густых предрассветных сумерках в сторону выезда из Осло. Дождь, не перестававший лить всю ночь, сделал дорогу одной сплошной лужей, по которой, понуро разбрызгивая грязь, двигался редкий поток машин. Дворники сметали тяжелые капли с лобового стекла, сопровождая свою работу едва уловимым монотонным скрежетом, от которого у меня после бессонной ночи слипались глаза. Дело хоть как-то спасал разговор, который в общем-то, не особо и клеился

Вчера, осознав бесполезность общения с бывшей супругой, я, на всякий случай, связав ей руки пояском от халата, оттащил в спальню, где большая кровать еще хранила следы непотребства. Плюхнув мокрое тело на смятые простыни, я уселся рядом и попытался обдумать сложившееся положение. Но в голову лезли лишь тяжкие, одна мрачнее другой, мысли.

Что произошло? Как такое вообще могло получиться? От-

вета не было...

Чтобы как-то себя занять, я проверил вещи негра. Самые плохие предположения подтвердились практически сразу – в карманах джинсов нашлись целлофановые пакетики с героином, которые объемом соответствовали двум использованным шприцам на туалетном столике.

С этой дрянью я в свое время очень часто пересекался, когда работал пэпээсником. В те годы наш городок просто захлестнула волна наркоты. Практически у каждого взятого карманника, разбойника и вора руки были в синих дорожках от игл. Вот и сейчас, я как будто окунулся в прошлое.

Ирдис, без сомнения, был барыгой. Возможно, даже тем, кто и посадил Ленку на эту дрянь. И с такой фигней я сталкивался – эти твари пользуют за дозу молодых, пока не потерявших человеческий вид наркоманок, еще сильнее подсаживая их на иглу.

Трепать Лену для ответов было бесполезно, почти сразу после душа она вырубилась. Я тоже попытался заснуть. Но сна не было.

Утром ждало неприятное открытие. Ночью умер Ирдис. Видимо, нос забили сопلي или кровь, а кляп не дал дышать ртом, задушив негра. Поэтому, барыга особо не возражал, когда я забрал ключи от автомобиля, бумажник с двумя тысячами крон и неплохой складной нож.

Лена новость о смерти любовника восприняла спокойно. Умывшись на кухне, она не красясь, что раньше было про-

сто невозможно, накинула мятую одежду, и, отхлебнув из початой бутылки дешевого виски, молча уселась в Ирдисову Вольво...

– Почему ушел Олаф? – вновь повторил я вопрос.

– Потому что скотина! Все вы мужики скоты, – огрызнулась бывшая супруга.

– Ты дуру-то из себя не строй. Как будто я не знаю, как он тебя любил. Похлеще меня, – я грустно усмехнулся. – Я даже иногда думал, что ты ему любовное зелье подмешиваешь.

– Любил, да сплыл, – уставилась Лена в окно. – Прошла любовь, когда он узнал, что я бесплодна.

– Да ладно! С чего бы это?

– А с того! Из-за тебя идиота!

– А я-то тут причем?

– Я же из-за тебя на аборты бегала.

– Чего?!

– Того! Беременела я от тебя, сволочи, и в поликлинику бежала! – зло высказала она, исподлобья глядя на меня.

– Но зачем?

– А что, нищету плодить надо было? Ты ж нищим ментом был. Все другие хотя бы пьяных обирали, бабок на вокзалах крышевали? А ты?

– А я был честным. Не за этим я на службу шел.

– «Не затем я на службу шел», – передразнила она меня. – А мне что нужно было делать? Я молодая баба, а носила обноски, которые еще в школе себе покупала.

– Так, а нахера тогда за меня замуж выходила!?

– Думала, ты мужик, а ты так, лишь подобием мужика оказался. Обеспечить семью не мо...

Я не сдержался и залепил раскрытой ладонью ей по губам.

– Думай перед тем, как что-то сказать.

– Вот, лишний раз доказал, что сволочь ты! Скотина! На женщину руку поднял! Ох... -

Верхняя губа лопнула, окрасив Ленин рот кровью.

– Ты еще не поняла? Я не буду терпеть твои выходки как раньше. Мозготрагательные упражнения уже не проходят.

– Да поше... – третий шлепок.

– Не перебивай. Говорить начнешь, когда тебе слово дадут. Всё поняла?

– Да, – угрюмо заявила она.

– Вот и славно, – улыбнулся я в ответ. – А теперь продолжим. Олаф ушел, когда узнал, что ты бесплодна?

– Да. Сказал, что ему нужны дети, и не чужие ублюдки, а свои.

– Давно это было?

– Месяцев десять назад.

– А потом?

– А потом я застукала его с его же секретаршей. Как в плохом анекдоте, блин!

– И?

– Ну и на развод подала, – Лена впервые за сегодня мстительно улыбнулось. – Этот козёл сам во всем виноват был.

Он меня перед свадьбой брачный контракт подписать заставил, по которому тому супругу, кто будет пойман на измене, достанется всего лишь десять процентов от имущества. Под меня яму готовил, а сам в неё попал.

– Поздравляю. Но с Дашей-то что произошло?

– Забрали Дашу. Местные ювенальные службы. Какая-то скотина доложила, что я её по попе за непослушание шлепала.

– Почему мне не позвонила?

– А что бы я тебе сказала? Что я нашу дочь просрала?!– Лена вновь отвернулась к окну. – Надеялась, что её по ошибке забрали, и я всё верну на место. Дурак ты, Витька... И я дурра.

– Не получилось?

– Нет. Местный суд послал, а Дашу определил в новую семью.

– И? Ты даже не виделась с ней?

– Практически нет. Суд разрешил видеться с ней лишь два часа в месяц, и то под контролем чиновников.

– И тогда ты подседа на наркоту?

– Нет. Сначала я начала пить. Вначале по чуть-чуть, а потом за вечер выпивала литр вискаря минимум.

– Дальше.

– Дальше? Траву попробовала. Ну и в одном из кумаров согласилась ширнуться по полной.

– Ирдис предложил?

– Нет, Зак. Но Ирдис из той же компании.

– И ты всё еще надеялась, бухая и пуская баян по вене, вернуть дочь?

– Ни на что я уже не надеялась.

– Почему мне не позвонила?

– Не хотела!

– Захотела, когда дочь уже погибла? – и тишина в ответ. –

Как это произошло?

– Я точно не знаю. Меня ведь даже на похороны не пригласили. Я только потом узнала, когда на очередную встречу собралась.

– Но что-то ты знаешь?

– Полиция считает, что она повесилась в бельевом шкафу. Обычное дело, как мне сказали. В Норвегии дети часто суицидятся...

– Бред! Как она могла себя убить?

– Так мне сказали.

– Тут что-то не так...

За разговором мы давно уже выбрались из города, и ехали по местным проселочным дорогам, которым у нас позавидуют и некоторые федеральные трасы. Лена указывала на нужные повороты на развилках и через полчаса езды мы въехали на просторный погост, зажатый между двух высоких скал.

Деревянная одноэтажная церковка с высоким шпилем встретила небольшой парковкой у её главного входа. За церковью, даже скорее часовней, начиналось зеленое, поросшее

газонной травой кладбище.

Лена молча вышла из машины, и я следуя за ней, отправился по узкой каменной тропинке, петляющей меж массивными каменными надгробиями.

Дождь немного стих, лишь неприятной моросью впиваясь в лицо и одежду. Два десятка шагов, и одежда была уже насквозь мокрая. Я, поглубже натянув капюшон, молча шёл за тяжело бредущей Леной.

– Вот, – указала она на простой деревянный белый крест, на котором не было никакой таблички. Лишь толстым черным маркером по центру было выведено – «72».

– Трава уже выросла, – почему-то произнес я, упав перед крестом на колени.

– Месяц прошел, – сказала она отрешенно. – Естественно трава вырасти успела.

Но я уже не слышал. Слезы залили глаза, а сам я был в том солнечном лете, когда мы с моей маленькой девочкой гуляли по окрестным полянкам...

Глава 5

Дождь прекратился ближе к обеду. Но тяжелые свинцовые тучи всё так же висели над блёклым миром. Окружающие краски потухли, и ярко-красные цвета, так любимые местными норвежцами, казались темно-бордовыми. Люди уныло

брели по своим делам. Такие же потухшие, как и всё вокруг.

Норвежское лето – череда холодных, дождливых и пасмурных дней, изредка озаряемых теплыми светлыми моментами. Как здесь живут люди, я не понимал, с ума от всей этой унылости можно сойти за полгода-год. Вероятно, поэтому самой востребованной профессией здесь и считаются психотерапевты, лечащие тонкие и нежные души толерантных европейцев. Хотя...

Черт, да что я вообще знаю об этих европейцах? Всю жизнь прожил в России, и об остальном мире судил по черно-белому телевизору, где каждое воскресенье по первому каналу Сенкевич в «Клубе Путешественников» открывал волшебное окно в «другой мир», казавшийся тогда изумительным и немножечко ненастоящим. Всё там было необычным – другие люди, чистые улицы, пригожие дома. Красивый хороший капитализм, одним словом.

Я помню перестройку, когда нашим народом ожидалось «вот-вот и заживем как в загранице». Помню, как к приезжим иностранцам все заглядывали в рот, и всем было плевать, что приезжали чумазные румыны, мало чем отличающиеся от наших молдаван, разве что одеты чуть получше.

Ну а потом началось...

Чемодан-Вокзал-Россия.

Родители не отпускали меня играть на улицу, заставляя весь день после школы сидеть дома. Но и в кишинёвской школе веселья хватало – драки с местными представителя-

ми титульной нации были практически каждый день. Однажды не повезло, и о мою голову разбили две бутылки из-под молдавского вина. Вино было хорошее, а порезы от розочки еще лучше. Родители всё бросили и отвезли меня к тётке, работающей заводделением в городской больнице Бендер. В больнице я и провел последующие полгода и отлично запомнил «марш мира» румын-европейцев.

Отца ранило. Мать, рискуя, нас неходящих на разбитом «четыреста двенадцатом» вывезла по простреливаемому всеми мосту через Днестр. До сих пор помню, как шальные пули били стекла над головой, и как раненый отец закрывал меня от осколков. До сего дня после тех событий я к европейцам испытываю нечто вроде предубежденности. Нифига они не светочи цивилизации.

Вот и сейчас, я сидел в машине, припаркованной на тихой улочке одного из норвежских поселков, а моё сознание всё еще не могло осознать случившегося. Мою дочь отобрали потому что, на взгляд местных чиновников, моя бывшая жена оказалась плохой матерью.

А вот это бред!

Какая бы Лена не была расчетливой тварью и гулящей кошкой, но дочь нашу она любила безумно. Она неделями корпела над книжками по детской психологии, подбирала ей развивающие игры и занятия, водила за ручку на детские кружки и мероприятия. Не могла же она так быстро измениться. Хотя...

Я знаю о случившемся только из её слов, а это далеко не показатель. Могла она на наркоте раньше подсесть? Могла. Вон какие тут депрессивные погоды. Мог после этого от неё новый муж уйти? Мог, вполне. Ну а тут уже сам бог велел и ребенка у такой мамы отобрать. Реально? В том то и дело, что реально.

Сама Елена, для своей же безопасности связанная буксировочным тросом, сейчас лежала в багажнике. У неё началась ломка, и до поступления новой дозы героина в кровь, она стала очень опасна. Особенно для меня. Особенно сейчас.

Пользуясь глухой тонировкой задних боковых стекол, я расположился сразу за местом водителя. Теперь мне видно всё, меня же не видел никто.

Вольво, почившего Ирдиса, была припаркована на стоянке возле небольшого продуктового магазинчика, и не должна была вызвать излишний интерес к себе. Мало ли кто приехал в этот небольшой городишко? Или поселок? Не знаю как даже и назвать данный населенный пункт, тут жителей под тысячу, не больше.

Объектом моего наблюдения стал темно-синий двухэтажный дом в двухстах метрах от стоянки, располагающийся как раз в тупике улицы. Именно сюда привезли отобранную Дашу. Именно тут она и погибла.

Вглядываясь в купленный в случайной туристическо-сувенирной лавке китайский бинокль, я пытался задушить бу-

шевавшие в душе сомнения. Стоит или нет? Если стоит, то, как потом с этим жить?

На раздумья у меня был весь день. Серое небо постепенно становилось еще мрачнее, разродившись к вечеру новым дождем. Тугие струи били в окна машины, пряча от окружающего пространства. Вода защищала меня от мира или мир от меня – кто знает?

И вот на часах маленькая стрелка указала на цифру десять. Пора.

Выдохнув, я проверил патроны в барабане револьвера, сунул в куртку, и, натянув на глаза красную бейсболку, выбрался из машины.

Ледяная вода тут же, несмотря на козырек кепки, ударила в лицо, холодные струи потекли за шиворот. Было неприятно, но я шел к выбранной цели. Сто пятьдесят метров. Сто. Семьдесят. Тридцать. А вот и белая дверь с красным глазочком звонка...

«Дзын-инь»

Дверь мне открыла улыбающаяся худосочная блондинка, ростом чуть ниже меня. Лицо её, выражало доброжелательность, но было в нём что-то животное, лошадиное...

Она что-то спросила, и даже не успела испугаться, когда локоть врезался ей в челюсть. Рухнув на пол, она серьезно приложилась затылком, моментально потеряв сознание.

Захлопнув за собой дверь, я крепче сжал рукоятку револьвера, вытащив его из кармана. В этот момент, на шум, из

гостиной выглянул лысый полноватый мужичок в квадратных очках. Я видел, как его глаза округлились, а когда моё оружие направилось в его сторону, он, взвизгнув, бросился прочь.

Догнать удалось только на кухне. Суется, он попытался вытащить разделочный нож из деревянного держателя, но трясущимися руками сделать это не успел. Я подхватил его локтевым сгибом сзади за шею, и, приподняв, оттащил подальше от ножей. Когда мы вернулись в гостиную, мужик был уже без сознания. Пластиковые стяжки, найденные в автомобиле, пошли в дело, ноги и руки мужика были надежно зафиксированы, после чего этой же участи подверглись конечности и лежащей у входа женщины.

Затягивая последнюю стяжку, я заметил испуганные детские личики, выглядывающие через лестницу на втором этаже.

– Не бойтесь меня, – сказал я по-русски, так как других языков толком и не знал. – Я ничего вам не сделаю. Я папа Даши.

– Даша? – донесся в ответ детский голосок. – Даша?

– Да, Даша. Дарья. Я её папа. Настоящий. Из России.

– Даша? – на лестнице, сжимая белого медвежонка, появилась русоволосая девчушка лет четырех. – Ты папа Даши? – чуть шепеляво, ответила она тоже по-русски. – А её нет. Она уехала. Далеко уехала.

– Я знаю, – грустно ответил я, стараясь улыбаться. – Как

тебя зовут, красавица?

– Вика, – ответила девочка.

– А кто там? – я указал пальцем на второй этаж.

– А там Аксиль, Боня и Фати. Но они боятся, трусишки.

– Молодцы, чужих нужно бояться. Но только я ведь не чужой. Я хороший. Скажи им, – малышка что-то пролепетала в пол голоса, и на лестнице появилось еще трое мальцов, старшему из которых, от силы, было лет семь. – Откуда вы здесь?

– А нас всех забрали от наших плохих родителей и привезли сюда, к дяде Асьмунду и тётё Урсюле.

– Разве у вас были плохие родители?

– Да, – уверено кивнула девочка. – Они зажимали наши личности и нарущали наши права, – повторила она, видимо не один раз сказанную ей формулировку.

– А дядя Асмунд и тётя Урсула вас тут не обижают?

– Обижают, – девчушка даже топнула.

– Как?

– Они показивают свои писи и просят их трогать. А я не хочу! За это они меня в чулане запирают. А там страшно, там тролли живут!

– А остальные трогают?

– Они да, – девочка кивнула на остальных. – Они же трусишки. Боятся чулана и тролля. А ты знаешь, какой страшный тролль? Очень страшный!

– А Дашу тоже заставляли?

– Ага.

– И тоже засовывали её к троллям?

– Да. Только она смелая была, не боялась их. Они там её даже били до крови, а она терпела.

– До крови?

– Да, у неё даже кровь из писи шла после троллей. Вот какие они страшные!

От этих слов в голове у меня начало мутиться. Глаза начал застилать кровавый туман. Но заметив испуг на детских лицах, я взял себя в руки.

– Вы меня не бойтесь, – повторил я еще раз. – Меня Даша прислала за вами. Она вас в гости зовёт, к себе домой. У нас там большой дом и даже пони есть. Вы любите пони?

– Я люблю, а они – не знаю.

– А ты спроси. И скажи заодно, что вас ждут море сладостей, мороженого и торгов.

– Ура! Мороженое! – девочка даже вскинула победоносно руки вверх. – Нам можно одеваться?

– Да, одевайтесь. Я тётю Урссуюлю связал, чтобы она нам не мешала. А то она не хотела вам этого мороженого давать.

– Тётя Урсюла злая, – сообщила напоследок девочка. – Очень плохая тётя.

И натужно улыбаясь, я проводил радостных детей взглядом, после чего подхватил лежащую у ног женщину с лошадиным лицом и потащил к пузатому мужу.

Глава 6

По телевизору гнали какую-то муру. Толпа идиотов, под веселые завывания диктора, радостно прыгала в лужу и, как свиньи, барахталась там. Впрочем, мне было всё равно.

Виски глушил интерес к происходящему, на секунды позволяя забыть произошедшее. Пятый стакан был уже наполовину пуст, я грел в руке его ржавый наполнитель, перед тем как осушить одним глотком. Мерзость страшная, но водки в этом чертом забытом баре не оказалось. Пиво не могло заглушить ту боль, что горела внутри, поэтому выбор пал на обычный виски, со вкусом дрянного самогона.

Бар сам по себе не очень большой, но относительно чистый, с десятком небольших столиков. И с высокой барной стойкой, за которой я и расположился, тупо глядя в небольшой цветной телевизор, притороченный к стене хитроумным кронштейном.

Я пялился в мерцающий экран, но мысли мои были далеко.

Вчерашний вечер. Четверо ангелочков были заперты у себя в комнате. Я сказал им, что куда-либо ехать уже поздно, и что как только рассветёт, мы отправимся в путь. Но только повернулся ключ в замочной скважине, отгородив их от этого сумрачного мира, я медленно спустился по обитой зеленым ковролином лестнице и уселся на кресло, напротив

связанных приёмных родителей.

Сколько прошло времени, прежде чем я решился, даже не знаю. Может час, может два. Наконец, присев к мычащим и стонущим «родителям», я из нагрудного кармана достал фотографию Даши.

– Глядите, твари! – прошипел я, даже и не думая о том, что меня не понимают. – Это Даша, моя дочь. Вы, паскуды, её убили, ведь так?

Нужно было видеть их глаза, когда они поняли, кто я. Они прекрасно осознали, что я пришел не за их деньгами, драгоценностями и машиной. Я пришел за ними.

И всё же, ошибиться не хотелось. Натянув тонкие медицинские перчатки, я устроил импровизированный блиц-обыск. Деньги и ценные вещи бросал на диван, а всё более-менее заслуживающее внимания – укладывал на журнальный столик. Например, туда легла стопка журналов с порнографией, взятых с верхней полки одного из шкафов. С детской порнографией.

Ухватившись за это, как за соломинку, я влез в ноутбук, стоявший неподалеку от большого плазменного телевизора. Пятнадцать минут блужданий в нём, и я нашел что искал. Детское порно. Мальчики, девочки, там были все, главное, что не старше десяти-двенадцати лет.

Это стало последним камнем на моих внутренних весах. Сопrotивляющихся и дергающихся педофилов я оттащил в ванную комнату на первом этаже. Толстяк был подцеплён за

руки на держателе для душа, над самым сливом акриловой ванны, жена же пристроилась у его ног.

Нет смысла описывать, что я с ними сделал, хотя эта картина до сих пор довольно ярко стоит у меня перед глазами. Как плоскогубцы ломали пальцы, как зубочистки загонялись под ногти, как... Неважно! Главное я был спокоен и сдержан. У меня была цель, чтобы эти сволочи умерли не сразу. И они мучились.

Это был мой осознанный выбор. Но как с этим выбором жить дальше – я не представлял.

Еще утром, припарковавшись у сельского магазинчика, я точно не знал, что буду делать, увидев виновников смерти дочери. И скорей всего, после казни я бы вскрыл себе вены или застрелился. Даши нет, смысла в жизни тоже. И для чего цепляться за этот безумный, грязный и жестокий мир? Ради еще не заработанных денег? Ради женщин? Ради великой лживой цели, которой нет? Три раза «ХА!»

Но теперь на втором этаже ждали завтрашнего чуда четыре маленьких ангелочка. И я не мог их обмануть.

Где-то в полчетвертого утра, я подогнал Вольво к дому и вызволил из багажника связанную Ленку, затащив в дом. Не развязывая буксировочный трос на женских руках, я вкатил ей в вену инсулиновым шприцом пару кубиков вскипячённого на ложке героина, прихваченного у Ирдиса. Глаза бывшей сразу помутнели, а тело расслабилось до состояния студня. Ближайшие часа четыре ей будет явно не до меня, а

если приход будет мощным – то и все шесть.

А в полпятого, вернув Лену на место, я отправился за малышами. Сонные недовольные личики мгновенно поменялись, стоило напомнить про пони и мороженое. Детишки оделись быстро и без моей помощи, и в шесть утра мы выехали из этого проклятого всеми богами посёлка.

Утреннее солнце, высунув краешек из-за гор, следило за нами, обещая хорошую погоду. И не обмануло. Весь день небо было чистым, лишь изредка появлялись небольшие, но пушистые, словно овечки, облака.

Мы побывали в зоопарке, на каруселях, в парке аттракционов, не пропускали ни одного торговца сладкой ватой или сувенирами. Смех, радость, детские счастливые визги сопровождали меня.

На меня смотрели как на диковинку. Мужик в окружении четверых маленьких человечков, непрерывно ползающих по нему. То на шею заберутся, то на руки...

Но вот наступил вечер. Тяжелые свинцовые тучи вновь затянули небосклон, выжав из себя мелкие капли дождя. Малыши вповалку уснули на заднем сидении, а я бесцельно колесил по сумрачным улицам Осло.

Но вот в окне мелькнул неоновый огонёк бара, и я, плюнув на всё, отправился внутрь. Оставалось еще тысяч пять крон, найденных в доме педофилов. Почему бы их не пропить?

Так я и оказался тут, похлебывая виски и тупо пялясь в телевизор.

Идиотская передача про группу имбецилов в луже грязи закончилась, следом пустили выпуск новостей. Дикторша, обладающая явными арабскими чертами лица, начала что-то быстро говорить, и неожиданно справа от неё всплыла картинка с фотографией дома, который я покинул утром.

Напрягшись, я незаметно оглядел посетителей бара. Но до телевизора никому не было особого дела. Компания из трех зачуханного вида норвежцев сидела в одном из углов и потягивала пиво из больших стеклянных кружек. Еще парочка мужиков флегматично общались за столиком, не обращая на окружающий мир хоть какое-то внимание. Бармен был увлечен решением сканворда, и лишь один невысокий рыженький мужичек с плешью и очках, сидевший на другом конце барной стойки от меня, внимательно глядел в голубой экран.

И тут вместо дома всплыли две фотографии. Моё изображение они, похоже, взяли из таможенного архива, ибо именно эта фотография была у меня в загранпаспорте. А вот фотографию Лены, где она в подвенечном платье, полицаи определено взяли с туалетного столика в спальне. А что это значит? Верно. Труп Идриса они не могли прозевать.

Пора избавляться и от Вольво, ибо сейчас поиск угнанной машины лишь дело техники.

Но сперва нужно выбраться из бара и не привлечь внимания. Но как назло, плешивый внимательно уставился на меня. Не отрывая взгляда, он отодвинул недопитый стакан виски, и поднялся со стула. Я нащупал ребристую рукоять

револьвера, и будто в замедленной съемке следил за его приближением.

И что дальше? Застрелить его? Застрелить любого, кто дернется, вырваться наружу, сесть в автомобиль и умчаться? А смысл? Дальше что? Всё равно будет погоня, и погоня настигнет в любом случае – незнакомая страна, незнакомый город... Да и за что убивать очкарика? Плохого он пока ничего не сделал.

Я скосил взгляд, все остальные даже и внимания не обратили на сюжет, и продолжали, как ни в чём не бывало, свои дела. И только внимание очкарика, уже приблизившегося вплотную, не даёт мне незаметно раствориться в темноте улиц.

– Пойдём, – вдруг неожиданно сказал он по-русски.

– Куда? – опешил я.

– На улицу. Пойдём, – только сейчас я уловил еле различимый акцент.

Не дожидаясь моей реакции, мужичок развернулся и вышел. Я постарался не отстать.

Под тусклым фонарем на крыльце бара, он вытянул пачку сигарет и закурил. Предложил и мне. Я отказываться не стал.

– Дети где? – спросил он, когда не меньше половины сигареты превратились в пепел.

– В машине, – я кивнул на Вольво. – Весь день катались по зоопаркам и аттракционам. Вымотались.

– Это хорошо, – он кивнул. – Жена где? Утопил?

– Не жена она мне, не жена, – повторил я фразу из одного старого мультфильма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.